

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59

НАРРАТИВ ХУДОЖНИКА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ

© *Инна Алексеевна Левченко*

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

livv05@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности реализации нарратива в автобиографическом дискурсе художника. Выявлены нарративные доминанты автобиографического дискурса М. Шагала, прагматика которых обусловлена индивидуально-авторским отношением к историческому времени, включая при этом не только описание обыденной жизни, но и события внутреннего мира. Доказана многомерность природы документально-художественного дискурса в жанре мемуаров: событийность в нем способна факультативно включать факты, однако присутствует и вымысел как следствие включения в автобиографическое дискурсивное пространство элементов художественного нарратива. М. Шагал в своей книге «Моя жизнь» осмысливает последовательность исторических фактов с позиций идеологической, мифологической и художественной фабульно-сюжетной модели. В результате исследования установлено, что автобиографическое дискурсивное пространство книги «Моя жизнь» – сложный синтез тезаурусного и нарративного представления жизненного пути художника, в нем репрезентированы события, происходившие с М. Шагалом, а также понятийные и ценностные доминанты, которые включены в индивидуально-авторскую картину мира и отражают языковое сознание автора воспоминаний.

Ключевые слова: нарратив, автобиографический дискурс, факт, событие, Марк Шагал, историческое время, ценностная картина мира.

Для цитирования: Левченко И.А. Нарратив художника в автобиографическом дискурсивном пространстве: специфика вербализации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 53-59. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Artist's narrative in autobiographical discursive space: verbalization specifics

© *Inna A. Levchenko*

Adyghe state university, Maykop, Russian Federation

livv05@mail.ru

Abstract. It is considered the features of the implementation of the narrative in the autobiographical discourse of the artist. The narrative dominants of M. Chagall's autobiographical discourse are revealed, the pragmatics of which is determined by the individual author's attitude to historical time, including not only descriptions of everyday life, but also events of the inner world. The multidimensionality of the nature of the documentary and artistic discourse in the genre of memoirs is proved: the eventfulness in it is able to optionally include facts, but there is also fiction as a result of the inclusion of elements of artistic narrative in the autobiographical discursive space. M. Chagall in his book "My Life" comprehends the sequence of historical facts from the viewpoint of the ideological, mythological and artistic plot model. As a result of the study, it was established that the autobiographical discursive space of the book "My Life" is a complex synthesis of the thesaurus and narrative representation of the artist's life path, it represents the events that happened to M. Chagall, as well as the conceptual and value dominants that are included in the individual author's picture of the world and reflect the linguistic consciousness of the author of the memoirs.

Key words: narrative, autobiographical discourse, fact, event, Marc Chagall, historical time, axiological picture of the world.

For citation: Inna A. Levchenko Artist's narrative in autobiographical discursive space: verbalization specifics. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 91. No 2. P. 53-59. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-53-59

Введение

В изучении автобиографического дискурса центральное место занимают понятия факта, события, нарратива и мотива. Под фактом понимают целостные динамические компоненты конкретного процесса, которые продуцент автобиографического дискурса избирает сообразно с конкретной оценкой. При этом важно помнить, что факт не всегда безусловно реален, т.к. факт может быть и ментальным (сон или фантазия, например). Событие, кроме избирательности, релевантной для факта, должно характеризоваться и вовлеченностью человека в него. Эта вовлеченность может быть, как социально-ситуативной, так и личностной, что придает событию особую значимость в ценностной картине мира, чему посвящают свои работы В.И. Тюпа [5] и В. Шмид [7].

Факты личной и социальной жизни, обладающие ценностной и ментальной значимостью (завершение образования, брак, рождение ребенка, кончина близкого человека и др.), воспринимаются человеком как события его судьбы. Неожиданные нарушения повседневного распорядка, незапланированные повороты рассматриваются как авантюрные события, вторгающиеся в жизнь человека (катастрофа, похищение и т.п.). Также весьма возможной может стать ситуация личностного вовлечения в сверхличные события общественной истории (участие в войне, грандиозных стройках и др.), что сообщает судьбе человека эпохальный смысл. Во всех этих случаях необходимо говорить о ценностно-смысловом личностном вовлечении в событие, и событие приобретает свойства автокоммуникативного явления [4, с. 163-176].

В случае, когда автокоммуникативная установка трансформируется в собственно коммуникативную, внутренняя потенциальная нарративность воплощается во внешнем нарративе (сообщение, письмо, устный рассказ и пр.): присвоение конкретного факта и продуцирование новых смыслов сопричастности к нему происходят для субъекта сознания, прежде всего, в автокоммуникации, которая, тем не менее, содержит элементы нарративности как внутренней речи в понимании ее Л.С. Выготским [3]. Художественный и документально-художественный дискурс как эстетически значимые коммуникации, напротив, опираются на автокоммуникативность: адресат эстетического высказывания включает в свою рецептивно-интерпретативную деятельность и адресанта.

Методы исследования – описательно-аналитический метод, метод когнитивно-семантического анализа, контекстуальный анализ, лингвистическая интерпретация. Материалом исследования выступает автобиографический дискурс Марка Шагала, представленный в его книге «Моя жизнь» (первая публикация – 1923) [6].

Обсуждение

Нарратив традиционно рассматривается как рассказ о реальной или вымышленной истории. Для него свойственны два измерения, связанные с самой природой нарратива: поверхностное (репрезентирует транслируемую нарративом информацию) и глубинное (сосредоточивает имплицитированные смыслы и значения, которые могут быть декодированы в воспринимаемом сообщении), также выделяют рассказываемую историю и повествующий дискурс [2], при этом структурный метод сосредоточен на анализе рассказываемой истории – сюжета, и за рамками исследования в этом случае остаются собственно изобразительно-выразительные средства и их эстетическая функция.

Нарратив – это репрезентация в коммуникативном акте событий, последовательно изложенных и/или рассказанных. События вне нарратива не существуют, потому что о событии должно быть рассказано: его формирование обуславливается адресованностью самому себе и/или другому. Нарратив линейен, т.к. речь, отражающая определенные события, характеризуется линейностью. Однако сами события могут быть выстроены не в соответствии с хронологией, и тогда в нарративе может быть установлено наличие специальных или спонтанных нарративных стратегий, в том числе, обуславливаемых психологией или поэтикой.

Для автобиографического жанра в координатах документально-художественного дискурса принципиально важным оказывается соотношение в нем принципов исторического и художественного (литературного) нарративов. Так, построение исторического нарратива на основании осмысления событий и оценки фактов детерминирует фабульно-сюжетные интер-

претации на основании стереотипных мифо-идеологических моделей эпохи. Тем не менее, необходимо также принять во внимание, что в историческом нарративе присутствует вторичное выделение события из предшествующих нарративных источников с допустимой критикой этих источников и их переосмыслением. Осмысление события и оценка факта, которые уже поданы с определенных позиций, обычно сопровождаются также домыслом и примыслом, которые не являются вымыслом по своим характеристикам, т.к. коммуникативная стратегия исторического дискурса деконструируется именно прямым и откровенным вымыслом, трансформирующим исторический дискурс в дискурс беллетристики (англ. fiction).

Художественный нарратив основан на конструировании вымышленного события, при этом принципиальное значение приобретает не факт, а мотив, образующийся в ходе литературного процесса в результате обобщения семантически подобных событий, однако новое событие – результат вымысла нового автора на основании уже сложившегося мотива. Поэтому с уверенностью можно говорить о критерии генезиса события для различения нарративов исторического (от факта) и литературного (от мотива). Поэтому еще со времен античности различают нарративные модальности истории и литературы: «Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти» [1, с. 1077]. Модальность в сфере истории формирует высказывание с позиций рассказа о том, что было, но с определенной точки зрения, тогда как в литературе – это рассказ о том, чего никогда не было, но что могло бы быть. Исторический нарратив строится на привнесении в событие примысла и/или домысла, литературный нарратив – на стратегии вымысла. В границах охарактеризованных явлений возникают гибридные жанры, которые обращены к фактам, но включают факты и события в событийность мотивного происхождения, и поэтому для таких жанров свойственны разнообразные фабульно-сюжетные интерпретации нарратива. Таковы дневниковая, эпистолярная проза, а также мемуары.

Безусловно, документально-художественный дискурс в жанре мемуаров оказывается сложным по своей природе, событийность в нем может факультативно включать факты, однако необходимо принимать во внимание и вымысел, который становится следствием включения в автобиографическое дискурсивное пространство элементов художественного нарратива. В то же время личность с необходимостью включена в исторический и социокультурный процесс, что обеспечивает постоянные корреляции с исторической событийностью и отсылки в этом жанре к конкретным фактам, подвергающимся зачастую домыслу и примыслу вне авторских намерений и интенций. Продюцент автобиографического дискурса осмысливает последовательность исторических фактов с позиций идеологической, мифологической и даже художественной фабульно-сюжетной модели.

Нарратив, репрезентируя интенцию «рассказывания о жизни», ориентирован не только на наличие конкретного случая (события, эпизода), но и на то, чтобы этот случай был осознан как компонент жизненного целого. Это осознание может быть репрезентировано как цепь событий и объясняющих переходов между ними (характеристика обстоятельств, причин, участников действия), что в целом отвечает требованиям нарративной структуры. Тем не менее, осознание не может быть сведено к воспоминанию о событиях. Кроме того, языковое сознание всегда имеет свой тезаурус, который охватывает все содержание жизни, но не в хронологической последовательности, а как происходящее здесь и сейчас, но, в том числе, соотносимого с бытием, которое фиксируется в воспоминаниях.

Тезаурус языкового сознания, как и нарратив, предполагает жизненный процесс как структуру лингвокультурного характера, т.к. они описывают действительность и внутренний мир языковой личности в соответствии с законами конкретного естественного языка. Языковое сознание и его тезаурус репрезентируют картину жизни, нарратив – историю жизни. Тезаурус обнаруживает прагмасемантические отношения между единицами разных языковых уровней, при этом эти отношения строятся на основании ассоциативных и концептуальных связей, что, разумеется, позволяет говорить о его системности.

Тезаурус и нарратив – это две оси вербальной репрезентации жизни, которые характеризуются постоянным пересечением в каждой ее точке. Нарратив способен предоставить некую часть тезауруса, манифестируя, тем самым, и языковую картину мира личности посредством ключевых слов и организуемых с их помощью концептосфер. Тезаурус также включает некие нарративы, которые способны стать иллюстрацией для компонентов тезауруса. Таким образом, в нарративном пространстве организуется собственная тезаурусная картина мира, а тезаурус способен корреспондировать с жизненными историями. Нарратив представляет собой временной срез жизненного потока, а языковое сознание представляет собой континуум – некое содержание жизни, репрезентированное в этих компонентах.

Автобиографический дискурс М. Шагала, репрезентированный в книге «Моя жизнь», представляет собой сложный синтез тезаурусного и нарративного представления жизненного пути художника, который развивается одновременно и как вербализация событий, происходивших с ним, и как репрезентация тех понятийных и ценностных доминант, составляющих собственно индивидуально-авторскую картину мира и отражают языковое сознание автора воспоминаний.

Одним из важных аспектов нарратива является, на наш взгляд, сам акт рассказывания, поскольку прагматика события как такового неотделима от тех речемыслительных усилий, которые предпринимает субъект повествования. В автобиографической книге М. Шагала широко представлены контексты, в которых репрезентированы лексемы *рассказать*, *рассказ* и производные от них. Так, память о родственниках, их поступках, о младенчестве и раннем детстве самого художника закреплена высказываниями, в которых представлена отсылка к чьему-либо рассказу, а значит, в данном случае мы имеем дело с «нарративом в нарративе», имеющем усложненную структуру, поскольку позиция повествователя в отношении события манифестирована в данном случае сквозь призму мнения о таком событийном факте с позиций другого рассказчика, например: «*Не помню кто, скорее всего, мама рассказывала, что как раз когда я родился – в маленьком домике у дороги позади тюрьмы на окраине Витебска вспыхнул пожар.*

Огонь охватил весь город, включая бедный еврейский квартал» [6]. Высказывание *не помню кто, скорее всего, мама рассказывала* содержит маркеры ирреальной модальности, которая придает данному фрагменту определенный оттенок недостоверности при отсылке к авторитетному рассказчику – матери художника. Таким образом, адресат автобиографического дискурса получает возможность выбора относиться к сообщаемому как к реально произошедшему либо как к семейной мифологизации события. При том, что бедствия постигают семейство Шагалов довольно часто, и жизнь их никогда не была простой и благополучной во всем, это высказывание в общем контексте воспоминаний читатель склонен считать вполне правдоподобным.

Автор обращает внимание читателя на *дар слова* собственной матери, а значит, и то, что она когда-либо рассказывала, приобретает для художника особое значение, например: «*Правда ли, что мама была невзрачной коротышкой?*

Дескать, отец женился на ней не глядя. Да нет.

У нее был дар слова, большая редкость в бедном предместье, мы знали и ценили это» [6]. Этот дар рассказывания ценится не только в семье, но и в национальном сообществе – М. Шагала подчеркивает, что он – *большая редкость в бедном предместье.*

Интересным в прагматическом отношении следует считать и такие контексты, в которых продуцент автобиографического дискурса указывает на затрудненность вербализации собственных воспоминаний. Такие контексты примечательны в отношении отца художника, например: «*Каждый день, зимой и летом, отец вставал в шесть утра и шел в синагогу.*

Помянув непрерывной молитвой покойных родственников, он возвращался домой, ставил самовар, пил чай и уходил на работу.

Работа у него была адская, каторжная.

Об этом не умолчишь. Но и рассказать не так просто» [6]. Описание трудовой жизни главы семейства, распорядка его дня актуализировано в данном фрагменте посредством введе-

ния оценочных высказываний *Работа у него была адская, каторжная*. Именно этот автобиографический факт вызывает затруднения вербального оформления, которые оказываются амбивалентными по своему характеру (*Об этом не умолчишь. Но и рассказать не так просто*).

Примечательно, что такие затруднения вербализации и, соответственно, формирования нарратива вовсе отсутствуют, когда М. Шагал трансформирует визуальный код в вербально выраженный, например: «Плетни и крыши, срубы и заборы и все, что открывалось дальше, за ними, восхищало меня».

Что именно – *вы можете увидеть* на моей картине «Над городом». *А могу и рассказать*» [6]. Ссылаясь на свое знаменитое полотно «Над городом» (1918), М. Шагал предпочитает не описывать пейзаж, окружающий его мир, не характеризовать собственные эмоции, а дает читателю возможность вернуться к восприятию картины с тем, чтобы дополнить свои оценки и впечатления от автобиографических фактов характеристиками зрительных образов (*вы можете увидеть; А могу и рассказать*).

Отметим также, что нарратив в автобиографическом дискурсе М. Шагала закономерно включает не только события обыденной жизни, но и события внутреннего мира, к которым необходимо отнести возникновение философских вопросов онтологического свойства и размышление над ними в течение жизни. Так, пришедший за советом к великому раввину Шнеерсону (Й.Й. Шнеерсон (1880 – 1850)) М. Шагал задается и вопросами, которые обнаруживают его интерес к иным конфессиям и другим культурам, например: «Спросить бы: правда ли, что, как сказано в Библии, израильский народ избран Богом? Да узнать бы, что он думает о Христе, чей светлый образ давно тревожил мою душу».

Но я выхожу, не обернувшись» [6]. Отношение к христианству весьма показательным образом отражено в данном фрагменте: художника волнуют многие проблемы, затронутые в Библии, и он размышляет о личности Христа (*чей светлый образ давно тревожил мою душу*).

Для современной лингвистики аксиоматично, что прерогативой нарративных (повествовательных в самом общем смысле слова) текстов является эгоцентричное время: цель таких текстов – сообщение о некотором событии прошлого, в то время как описание и рассуждение как функциональные типы текстов не могут быть охарактеризованы с позиций эксплицированного временного вектора, т.к. направлены на репрезентацию настоящего, длящегося в настоящий момент.

Индивидуально-авторское отношение к историческому времени – один из определяющих прагматику нарратива аспектов в автобиографическом дискурсе М. Шагала. Повествуя о событиях своей жизни, художник останавливается особо на тех, которые помещены не только в контекст жизни личности, но и значимы для европейской истории. Однако, разумеется, для того, чтобы стать событием, достойным нарративизации, этот исторический факт должен быть объективно важным и для языковой личности художника, например: «Все теперь пойдет по-новому. Я был как в чаду».

Не слышал даже, что говорил Керенский. Он — в апогее славы. *Наполеоновский жест: рука за пазухой; наполеоновский взгляд. Ходили слухи, что он спал на императорском ложе*.

Кабинет кадетов сменили полудемократы. Потом пришли демократы.

Единства не получилось. Крах» [6]. Необходимо особо подчеркнуть, что иронически осторожное отношение художника к власти вполне оправданно, а смена различных партий в управлении Россией в 1917 году лишь иллюстрирует личностно-ориентированный нарратив в автобиографическом дискурсе. Отметим, что отношение к министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому в приведенном контексте саркастично (*Наполеоновский жест: рука за пазухой; наполеоновский взгляд. Ходили слухи, что он спал на императорском ложе*), а описание различных изменений внутри государственных структур характеризуется уже безразличной констатацией факта (*Единства не получилось. Крах*).

Общее состояние хаоса в стране объективировано М. Шагалом в его автобиографическом дискурсе имплицитно, например: «В Берлине я пробыл недолго и двинулся в Россию».

– Смотри, вот она, Россия, – сказал я своей спутнице, сойдя на перрон вильненского вокзала.

И еле успел удержать носильщика, который чуть не улизнул с моими вещами» [6]. Сам факт, что носильщик может украсть вещи, свидетельствует не только о росте преступности, но и о кардинальном перевороте общественного сознания (*И еле успел удержать носильщика, который чуть не улизнул с моими вещами*).

Отношение к представителям власти у М. Шагала также весьма интересно, и без иронического отношения к происходящему, как утверждает сам художник, ему невозможно было бы выжить в этом суровом новом мире: «Твердя себе, что это просто пацаны, напускающие на себя важный вид, хоть они и стучат на собраниях багровыми кулаками по столу, я шутиливо толкал плечом и шлепал пониже спины то девятнадцатилетнего военкома, то комиссара общественных работ. Оба они, здоровенные парни, особенно военком, быстро сдавались, и я *победно ехал верхом на комиссаре»* [6]. Метафорические контексты и различные атрибутивы создают фантасмагорическую картину, передавая и динамику эмоций в данном фрагменте (маркеры выделены курсивом). Особый интерес представляет метафора *я победно ехал верхом на комиссаре*, которая имеет прямые отсылки к метафорическим образам картин М. Шагала.

Безусловно, наиболее важными событиями для отражения в автобиографическом дискурсе, а значит, и в личностном нарративе М. Шагал считает те, которые связаны с его живописью, с творческими возможностями, которые открывает случай или новая историческая эпоха, например: «Мне предложили расписать стены в зрительном зале и исполнить декорации для первого спектакля.

«Вот, – думал я, – вот возможность перевернуть старый еврейский театр с его психологическим натурализмом и фальшивыми бородами. Наконец-то я смогу развернуться и здесь, на стенах, выразить то, что считаю необходимым для возрождения национального театра» [6]. Действительно, событийным центром в данном контексте выступает даже не сам факт осуществленной росписи зрительного зала, а эмоциональное отношение художника к самому замыслу (выделено курсивом). Сама идея возрождения национального театра, новаторские решения сценического пространства и убранства зрительного зала, возможность внесения в театральное действие собственного понимания сути национального миропонимания вне традиционных средств, – вот то, что вдохновляет М. Шагала и, соответственно, делает данное событие нарративным, потенциально возможным к рассказыванию, лично значимым.

Творческие откровения, доступные художнику – это также нарративные события, которые М. Шагал манифестирует в своем творчестве как то, что приходит в результате упорного труда, непрекращающейся работы над собой (*В Париже я всему учился заново, и прежде всего самому ремеслу; Повсюду: в музеях и выставочных залах – делал для себя открытия*):

«В Париже я всему учился заново, и прежде всего самому ремеслу.

Повсюду: в музеях и выставочных залах – делал для себя открытия.

То ли во мне заговорила восточная кровь, то ли – почему бы и нет? – на меня как-то повлиял давнишний укус собаки.

Но не только в технике искал я смысл искусства.

Передо мной словно открылся лик богов» [6]. И, разумеется, глубинные смыслы, которые открываются художнику, – это не только мастерство, приемы ремесла, хотя они тоже, конечно, необходимы. Это другой уровень мышления, который М. Шагал также считает достойным рассказывания (*Но не только в технике искал я смысл искусства. Передо мной словно открылся лик богов*).

Представляется, что один из важных аспектов нарратива – сам акт рассказывания: прагматика событийности неотделима от тех речемыслительных усилий, которые предпринимает при продуцировании автобиографического дискурса субъект повествования. В автобиографической книге М. Шагала широко представлены контексты, в которых репрезентированы лексеммы *рассказать*, *рассказ* и производные от них. Например, память о родственниках, их поступках, о младенчестве и раннем детстве самого художника манифестирована в высказы-

ваниях с отсылкой к чьему-либо рассказу – «нарративом в нарративе», который имеет сложную структуру, т.к. позиция повествователя в отношении события манифестирована в данном случае сквозь призму мнения о таком событийном факте с позиций другого рассказчика.

Выводы

Нарратив в автобиографическом дискурсе М. Шагала закономерно включает не только события обыденной жизни, но и события внутреннего мира, к которым необходимо отнести возникновение философских вопросов онтологического свойства и размышление над ними в течение жизни. Прагматика нарратива определяется в автобиографическом дискурсе М. Шагала и индивидуально-авторским отношением к историческому времени: так, повествуя о событиях своей жизни, художник останавливается на тех, которые помещены не только в контекст жизни личности, но также обладают особой значимостью для европейской истории. Событие в автобиографическом дискурсе М. Шагала приобретает нарративный характер, если потенциально его можно соотнести с аксиологической картиной мира художника, с его пониманием нравственности, духовности и сущности искусства. Универсальной мерой для М. Шагала в этом является необходимость творчества, а творческие откровения, доступные художнику, – это нарративные события, представленные в автобиографическом дискурсе как результат упорного труда.

Список источников

1. *Аристотель*. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998.
2. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М., 1987.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
4. *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
5. *Тюпа В.И.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5.
6. *Шагал М.* Моя жизнь. М.: Эллис Лак, 1994. 208 с.
7. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References

1. *Aristotle*. Poetics. On the Art of Poetry // Aristotle. Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories. Minsk, 1998.
2. *Bart R.* Introduction to the structural analysis of narrative texts // Foreign aesthetics and theory of literature of the XIXth–XXth centuries: treatises, articles, essays. M., 1987.
3. *Vygotsky L.S.* Thinking and speech. M.: Labyrinth, 1999.
4. *Lotman Yu.M.* On two models of communication in the system of culture // Lotman Yu.M. Semiosphere. SPb., 2000.
5. *Tyupa V.I.* Essay on modern narratology // Criticism and semiotics. Novosibirsk, 2002. Issue. 5.
6. *Chagall M.* My life. Moscow: Ellis Luck, 1994. 208 p.
7. *Schmid V.* Narratology. M.: Languages of Slavic culture, 2003.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 05.03.2022.